

Павел КРЕНЁВ

Павел Григорьевич Кренёв – заместитель председателя Союза писателей России, автор 21 книги прозы. Тексты переводились на польский, болгарский, китайский, турецкий, французский и эстонский языки. Кандидат юридических наук, лауреат премий «Золотой витязь», имени Н.С. Лескова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Патриаршей премии им. С.Ф. Аксакова и др. Живёт в Москве.

УСПОКОЙСЬ

Толстый, звонкий ельник здесь господин. Деревя-гиганты, неприступные и мрачные, веками держатся друг за друга переплетениями густой хвои и никого не подпускают. Не пройти здесь человеку. Зацарапают его деревья, обдерут и изнуряют. Завязнет, потеряется его крик в непроходимых еловых дебрях, под чёрными вековыми кронами, запутается в игольчатой паутине сине-седого лапника. Боится заходить сюда лось. Отхлещут его ёлки по глазам и животу, настегают и ничем не накормят, прогонят. Здесь живёт Рысь. Это её владения.

По брусничным угорам, по канабристым буреломам, по берегам глухих, молчаливых безрыбных маленьких лесных озёр-ламбин проходят никому не видимые её охотничьи тропы. В вечерние сумерки, когда в зубьях ёлок на западной стороне исчезнут последние солнечные блики, в чёрной хвое зажигаются кошачьи глаза. В них – отражение последнего трепета птичьих крыльев, стремительных зайцев, белок и куниц. Встреча с тускло-зелёным, немигающим, гипнотическим светом рысьих глаз – неминуемая смерть для них.

Любимое занятие для неё – это засада. Часами может она неподвижно лежать на суку над оленьими водопойными тропами, поджидая отставшего от матери детёныша или старого, уставшего, изнурённого болезнью оленя. Линяющие в начале лета, укрывшиеся в глухомани глухари – особое лакомство для Рыси. Неспособные летать, ослабевшие в ликовании и драках на весенних токах, они скрываются в уединённых, непроходимых для человека таёжных урочищах.

Но от Рыси им не скрыться. Из-за непросветных ёлок она подкрадывается бесшумно, тело вытянуто и напряжено, голова плывёт над самой землёй, уши насторожены, глаза блестят. Последнее, что видит безмятежно кормящийся глухарь, – это огромную серую молнию, метнувшуюся в него из-за дерева.

Самая лёгкая зимняя добыча Рыси – косачи-тетерева. В предвечернее время они собираются стаями на берёзах, растущих по краям полян и опушек, и шумно хлопают крыльями, ссорясь друг с другом, набивают зобы отвердевшими от мороза почками. Полузарывшись в снег, Рысь смотрит на их игры и драки из леса, глаза её умиленно жмурятся в предвкушении скорого ужина. Когда наступают сумерки, косачи затихают, некоторое время сидят нахохленные, а потом один за другим срываются с берёз в рыхлый глубокий снег. В снегу они ночуют.

Рысь подходит к косачинным лункам, когда на лес падает темнота. Света ей не нужно. Она зайдёт «с подветра» и найдёт птиц по запаху. Косач-жертва спит в снегу безмятежно, чувствуя себя в полной безопасности. Услышав над собой шорох, он проклёвывает головой снежную замять, и тут же на неё неотвратимо-молниеносно опускается мощная звериная лапа с растопыренными когтями-крючьями.

Ещё Рыси нравится зимними ночами караулить зайцев-беляков. Глупые, они ходят к кормовицам по натоптаным тропам, и выследить их несложно. Чтобы не отпугнуть зайцев своим запахом и следами, Рысь подбирается к тропе «верхом», со стороны, противоположной ветру, по веткам близстоящих деревьев и затаивается на крепком суку над самой тропой. Опять горят вожделенным охотничьим блеском в темени леса рысьи глаза. Вот и заяц, настороженный, прядяющий ушами, стремительный. Рыси остается только прыгнуть на глупышку с высоты. И опять раздаётся и теряется в путанице ночного холодного леса короткий плачущий крик. Иногда Рысь промахивается, и опалевший от страха заяц, петляя и кувыркаясь, уходит из-под её когтей, но кошка и не гонится за ним. Она переходит на другую тропу и вновь затаивается. Добыча придёт к ней сама.

В конце зимы у Рыси был гон. Из Кряжистого бора к ней приходил старый её друг Кот, и они прожили бок о бок целый месяц. Вместе охотились, играли, ласкались.

По вечерам, испытывая необычайную нежность к Коту, Рысь, урча, лизала горячим языком его шкуру, ластилась и старалась всячески ему угодить. Кот отвечал ей тем же. Потом привязанность к Коту прошла, и Рысь его прогнала.

В мае у Рыси родилось двое котят.

Первые дни мать никуда не отходила от них, слепых и беспомощных. В логове, под выворотом огромной, уроненной ураганом сосны, она вылизывала их тоненькие шкурки, согревала маленькие тельца своим теплом, кормила молоком. Наевшись, рысята подолгу спали, уткнувшись мордочками в материнский живот и прижавшись друг к другу, поэтому Рысь не могла никуда отойти, чтобы поохотиться и поесть самой. После рождения детенышей она сильно похудела и ослабла, вместе с молоком рысята высосали из неё много сил.

На одиннадцатый день у маленьких рысят прорезались глаза, и Рысь смогла наконец уходить от них, чтобы подкормиться хотя бы мышами. Но уходить можно было лишь ненадолго. Распахнувшийся перед детьми мир увлекал их, уводил от логова.

Познавание мира скоро кончилось бедой для одного из рысят. Мать была на охоте, и его, отошедшего от семьи, придавило тяжёлым суком, сорванным с сосны порывом ветра. Когда Рысь нашла его, детёныш уже не дышал.

Второй рысёнок бегал вокруг матери, тормозил погибшего братишку, приглашал поиграть с принесённой матерью ещё живой мышью. На берегу лесного ручья Рысь выкопала яму, бросила в неё детёныша и завалила землей.

О погибшем сыне Рысь скоро забыла, ведь у неё оставался Рысёнок, её дитя, и извечный закон материнства требовал кормить его, натаскивать, растить...

Ах, как красив, грациозен и смышлён был её сын! Длинноногий и сильный, он, одномесячный, уже сам поймал первую мышь и принес

её, задушенную, к матери. Та, обнюхав и убедившись, что минуту назад мышь была живой, одобритительно потрепала Рысёнка по загривку и легко ударила мягкой лапой в бок. Рысёнок упал и в детском восторге закатался по брусничнику, смешно выгибая длинное плотное тельце. Ещё через месяц мать научила Рысёнка искать птичьи гнезда. Ей нравилось наблюдать, как острые ушки её детёныша мелькали среди зелени, и молодые нерасторопные птенцы то и дело оказывались у него в пасти. В конце лета Рысь решила, что пришла пора показать сыну охоту на заячьих тропах. Азартная и, как правило, успешная, она должна была понравиться сноровистому Рысёнку.

Рысь отвела детёныша на Клеверные луга, где после июльских сенокосов стояли наваленные людьми высокие кучи сухой травы. Эти кучи, утыканные длинными жердями, разведали по Лесу дурманный запах вяленого разнотравья и привлекали к себе множество зайцев. Пьяные от хмельного клеверного аромата длинноухие зверьки забывали об опасности и становились лёгкой добычей.

...Рысёнок сидел на суку над заячьей тропой вместе с матерью и дрожал от возбуждения. Но когда появился первый заяц, весь напрягся, вытянул шею, подобрал передние лапы, будто сам намеревался прыгнуть за добычей. Мать, испугавшись, что в охотничьем азарте сын и в самом деле прыгнет и поранит себя в борьбе с зайцем, едва слышно, но грозно мурлыкнула на него и прыгнула сама.

Рысь промахнулась.

Заяц, почуяв что-то, резко скакнул в сторону и заметался по кустам. В другой раз Рысь не стала бы его преследовать, чтобы не тратить впустую силы, но сейчас на нее глядел её сын, будущий сильный и ловкий Кот, которого надо было научить искусству охоты. Рысь бросилась за зайцем, петляющим, вёртким, и хотя тот, видно, хорошо умел уходить от погони, настигла его в мелком березняке перед болотной ручьевинной. Она вовремя разгадала маневр зайца, перекинулась через завал и, прыгнув наперерез, перехватила зверька прямо на лету, когда тот был в воздухе, ударила лапой и подмяла под себя.

Когда Рысь с зайцем в зубах двинулась в обратный путь, в стороне, где остался её сын, раздался сильный грохот, и она бросилась вперёд что было сил.

Человека она почуяла ещё на подходе. Двуногий стоял под деревом, где она с Рысёнком караулила зайцев. Сын её лежал на земле. Человек поднял его и положил в корзину. Он постоял немного, забросил корзину за спину и пошагал прочь.

Рысь стояла за елью. Пахло едким и вонючим дымом, человеком и кровью.

На море – погодушка. «Полуночник», нагулявший на просторе силушку, буянит уж второй день: рвёт на мелководьях водоросли и кучами вышвыривает на берег, ломает на сёмужьей тоне колья. Сейчас отлив. Несмотря на прибойный ветер, вода, как и полагается в новую луну, крепко оголила песок, и ветер не в силах донести ударные волны до кромки берега. Он в злобе бьёт взводни об оголившиеся песчаные кошки, об обнажившиеся рогастые гранитные бакланы. А на самом берегу тишь и бескрайняя широченная полоса гладкого мокрого песка, утрамбованного морем до асфальтовой плотности.

Шурка Юдин дожидался этого отлива со вчерашнего вечера. Утром, когда вода «запала», он аккуратно положил в длинный, специально при-

способленный пестерь две бело-серебряные рыбины, повесил на плечо дробовик и пошёл к Лизке.

Лизка работала мастером рыбообработки на приёмном пункте в двадцати с лишним километрах от деревни, и рыбаки пойманную сёмгу относили ей. Была она старой девой, рябой и угловатой, жила на пустынном морском берегу в отрыве от людей как бы даже с охотой. Брала каждый год с собой двух маленьких собачек какой-то малахольной тощенькой породы, вредных, вечно без толку твякающих, недоброжелательных к рыбакам.

Ругаться Лизка умела хлётко, вкладывая в это некий азарт. От всех подковырок отъедалась бойко, всегда к месту вворачивала какую-нибудь байку относительно самого подковырщика или его жены, и рыбаки Лизку остерегались. Но Шурку она побаивалась: был он вёрток, ухватист, отчаян и удачлив. А словесную перекидку вести с ним просто невозможно, ему слово, а он – пять, да всё едких, занозистых, острых, как тройники на тресковых переметах.

Вот опять... Собачки, издалека увидев Шурку, злобно залились, бросились к нему навстречу. Лизка, собиравшая анфельцию, выпрямилась, поглядела на приближающегося мужика из-под ладони, пробурчала с изрядным раздражением:

– Лешой несёт опять шалапута!

Не уделив собакам никакого внимания, Шурка уже на подходе начал ёрничать: стянул с головы замызганную, неопределённого цвета кепку, прямо с пестерем на плечах бухнулся на колени, криво склонил раннюю, всю в белых редких волосиках лысину, запричитал с подвываньем:

– Матерь ты наша, Лизавета Сазоновна, не дай ты сгинуть в нищете парню молодому да удалому-у... Не пусти, сударушка, его по миру-у-у...

Шурка положил на песок ладони, поднял худое, в рыжей щетинке лицо, скорбно глянул на Лизку. Та не выдержала, отвернулась, сплюнула:

– Срамись, срамись, трепло!.. Дак чего надоть-то ише?

– А прими ты, сударушка, рыбку, в трудах непосильных пойманную, не по второму да третьему, а по первому сортику-у... воздасси тебе-е-е...

Новая Шуркина выходка Лизку явно развеселила. Кроме того, несомненно её обрадовало сегодняшнее Шуркино миролюбие. Лизка игриво сгребла с песка пук мокрых водорослей, шутейно кинула их в него, покорно стоящего на коленях, и побежала к складу, запричитала вроде бы с обиженной, но явно одобряющей Шурку интонацией:

– Срамник ты проклятой, не стыдна ему, а!?

Негромко про себя хихикая, она открыла дверь рыбного склада и приняла у Шурки рыбу. И всё время, пока взвешивала и определяла сортность, выписывала квитанцию, была в хорошем настроении и называла Шурку галюзой. У одной рыбины около спинного плавника была сбита чешуя, и в другораз Лизка обязательно придралась бы к этому, приняла бы вторым сортом, Шурка и его напарник Мишка Колюха были уж готовы к этому, но рыба вдруг получила первый сорт... Кто их разберёт, этих женщин?..

Обратно Шурка решил возвращаться не берегом, а лесом, не зря же таскал ружьё, вдруг да встретятся рябчики. Можно будет вечером отведать мяса. Рыба как ни свежа, а приелась уж.

Тропа шла вдоль пологого невысокого угора, по цветастому разноликому лесу. Ветер пошумливал где-то сверху в вянувших к осени листьях, но сквозь не обдутые ещё густые кроны к земле пробиться не мог, внизу было

тихо. Вскоре справа показались Кирилловы пожни, которые в этом году косила Шуркина соседка тётка Клавдия, и Шурка по обычности свернул туда: посмотреть, как стоят стога-зароды, проверить, не порушили ли их лоси, не горит ли сено, потом при случае доложить соседке: был, мол, проверил, всё нормально. Тётка оценит, угостит, как полагается. А как же?

Зароды были в порядке. Лишь снизу подтыкали зайцы. Ясное дело – пожни-то клеверные, для ушастых любимое дело. Вокруг в траве темнели коричневые шарики заячьего помета.

Из-под ольхи, что росла за вторым стогом, будто ударил неожиданно взрыв – взлетел на деревья выводок рябчиков. По виду все нагулянные уже, взматеревшие. Вот вы где! Шурка чётко выследил, куда сел один из них, на какую ёлку, взвёл курок «ижевки», стал подкрадываться. Но рябчик – маленькая пёстрая курочка – это же хамелеон какой-то! Только отвёл глаза, он и исчез. Вытянулся в густоте веток, сам стал как неприметный сук. Ищи его, разглядывай...

Взгляд Шурки натолкнулся на какое-то округлое утолщение, которое было, правда, на другой ёлке, но и ближе. Разглядел и обомлел: на него исподлобья, настороженно глядела в упор большая серая кошка, положившая голову на вытянутые по суку передние лапы. «Во, котяра, откуда он здесь?»

Уши у кошки, сложенные, загнутые в стороны, заканчивались длинными чёрными кисточками, и Шурка, вспомнив наконец, у кого могут быть такие кисточки, сообразил: рысь. Сомнений – стрелять или не стрелять – не было, мелькнула только мысль: заберёт ли дробь, мелковата всё-таки? Не прыгнула бы, зараза, подраненная-то.

Но когда он выстрелил, рысь, как мешок, свалилась и в конвульсиях замолотила по воздуху лапами. «А-а, крепко зацепило», – обрадовался Шурка, но подходить сразу не стал, быстро перезарядил на всякий случай ружьё. Наставил опять на зверя: вдруг оживёт да прыгнет. Однако рысь вскоре затихла, и Шурка осторожно, вглядываясь в неподвижного зверя («Эк, когтищи!»), приблизился вплотную, тронул стволом его живот. «Кажись, и правда каюк ей!» – подумал Шурка, но притронуться долго ещё не решался, вглядывался в оскаленную пасть. Наконец, опираясь на ружьё, наклонился, вытянул руку и двумя пальцами рывком дернул рысь за шерсть, как от угольев, откинул руку назад. В щепоти остались длинные тёмные волосики. «Линяет...» – разочарованно и с невольным возмущением пробормотал Шурка и только теперь разглядел вдруг, что рысь-то вроде маловата по размерам, чересчур угловата и тоща. Раздражения у него прибавилось: «Рысёнок... Шкет, а тоже по деревьям надо лазить, на человека прыгнуть хотел, может... Сидел бы где-нибудь в яме да сиську сосал, а тоже, надо...»

Мысль о том, что где-то рядом может таиться мамаша этого зверёныша, будто плеснула на спину ковшик холода. Он пополз струйками, пузырчатый, корёжисто-гадкий. Почудилось, что хищные, ненавидящие глаза вцепились ему в спину. Шурка невольно резко оглянулся, пошарил взглядом обступившие его деревья... «Да не-е, выстрел был, с ружьём я, не подошла бы она, боится... зверь ведь...» – успокоил себя маленько Шурка и подумал: «Дак, а шкета-то куда? Шкура – бросовая...» С другой стороны, оставлять тоже было жалко. «Колюху удивлю... А и кто в деревне рысь убивал, а? Кроме Шурки Юдина! Всех удивлю...» Последняя мысль ободрила и просто-таки взволновала. Шурка поднял рысёнка за заднюю лапу, бросил в пестерь и пошагал на тону.

Зачем двуногому её сын? Зачем он унёс его с собой? Почему рысёнок не сопротивлялся? Что случилось с ним? Рысь, встревоженная, вся в мелкой дрожи глядела на уходящего охотника, затем подошла к месту, где только что лежал рысёнок, и отпрянула от острого запаха крови.

Это была кровь её сына.

Рысёнок ранен! Куда отнёс его охотник?

Рысь никогда не отважилась бы бежать по следам двуногого. Страх перед запахом человека передался ей от предков. Такая встреча всегда несла великую опасность. У живущих в лесу диких кошек, самых ловких хищников, совершенных по совокупности великих качеств – красоте, скорости и силе – не было достойных врагов, так предназначено самой Природой. Сильнее только Росомаха, Волк и Медведь. Но никто из них в самый лютый голодный час не отважится напасть на Рысь.

Загнанная в угол, полуживая, лишённая шансов на спасение, она не сдаётся, не предаёт звериную свою честь и до последней смертной минуты будет рвать соперника страшными когтями.

Двуногий сильнее, хитрее и коварнее всех их – и Медведя, и Волка, и Росомахи. Он может победить любого зверя, с ним нельзя встречаться в лесу – Рысь знала это от предков. Но она побежала за человеком, позабыв о страхе. Рысёнок, её детёныш, совсем ещё глупый и несмышлёный, ничего пока не знающий о человеке, о его повадках, не уберётся и попал в беду. Что с ним?

Некоторое время Рысь бежала позади человека, и в нос её бил его запах, мучительно острый, мутящий сознание от того, что, страшный и отталкивающий, он был смешан с родным для неё, тёплым и живым запахом Рысёнка. Человек ни разу не заметил её, хотя часто и резко оглядывался: она держалась в отдалении, а глаза у двуногого были слабее. Чтобы всё же не быть обнаруженной, Рысь побежала вдоль тропинки по лесу, но когда человек скрывался за поворотами, выбегала опять на дорожку и внимательно всё обнюхивала: проверяла, не освободился ли от человека её детёныш.

Рысёнок почему-то не мог выскочить из корзины, в которой его нёс двуногий, и Рысь решила заглянуть в эту корзину, чтобы помочь как-нибудь сыну или дать ему сигнал опасности. Решение было связано со страшным риском, но движимая материнским инстинктом, она поборолa страх...

...Рысь ещё больше вытянулась на суку осины, когда человек вышел из-за поворота, и напрягшись, затаив дыхание, глядела, как он приближался, постоянно поворачивая голову в разные стороны. Это было хорошее место для наблюдения: дорожка, по которой двигался двуногий, пролежала прямо под ней.

Но Рысёнка она так и не увидела. Двуногий её всё же заметил, резко остановился, что-то по-своему закричал, поднял вверх какую-то палку, из неё вылетел огонь. Опять раздался грохот. Рысь спрыгнула на землю и метнулась в лесную чащу.

В рыбацкую избу на Песчанке Шурка влетел как ненормальный, весь взъерошенный, встревоженный и загнанный. Скинул в сенях пестерь, не снимая ружья, ввалился в дом, будто клуб морозного воздуха. Так, с ружьём на плече, бросился к койке, сел на край и уставился на дверь. Разбуженный им, Мишка по прозвищу Колюха приподнялся на локте и, полусонный, ничего не понимающий, глядел со своей койки то на Шурку, то на дверь. Вид у Шурки был совершенно растерянный и испуганный, словно в дверь должен был вот-вот ворваться кто-то злой и враждебный,

чтобы наделать беды. Сейчас напарник его явно не разыгрывал, и Мишка заволновался и прямо-таки струсил.

В дверь никто не врывается. Но Шурка не успокаивался. Он подошёл, как бы даже подкрался к окошку, что глядело в лесную сторону, сначала направил в него ружьё, потом выглянул сам. Мишка заволновался ещё сильнее...

– Ты чево, Саша, а?

Шурку из-за своей вьедливости он в жизни не называл Сашей, но тут выскочило...

Тот ответил не сразу, оторвался от окна, поставил в угол ружьё, сел за стол, но тревожного взгляда от окошка долго не отводил. Сказал вдруг, как оглушил:

– На меня рыси напали.

Разлѐживать на койке Мишка больше не мог, от Шуркиных слов он вскочил, плюхнулся на лавку:

– Не... ничего себе...

– Вот и ничего. Убил одну... В снях вон...

Мишка на цыпочках подобрался к двери, выглянул, ошалевший от таких дел, увидел зверя в пестере, дёрнул к себе ручку, отшатнулся, заохал осипшим вдруг голосом:

– Ой, Саша, ой ты, ради Христа... А неживая, а?

– Да говорю тебе – кокнул... – устало ответил понурый Шурка и махнул рукой.

Мишка отдышался, взял на всякий случай топор, отрывисто глотнул воздуха и вышел в сени. Какое-то время он повозился там, потом зашёл в избу, присел на чурбан к печке, помолчал. Он заметно успокоился.

– А сколько их было-то? Этот-то кабудь котёнок.

– Ничего себе котёнок... – Шурка возбужденно хмыкнул. – С дерева на меня прыгнуть хотел. Пришлось стрелить. Потом иду, зырюсь на деревья с перепугу-то, ан – ише одна, как собака по размерам, на суку сидит, чуть не над самой башкой, тоже скакнуть хочет. Страхи Божьи.

Колюха чувствовал, что Шурка в чём-то завирает. Надо же, рыси на него напали, сроду такого в деревне не было. Но страх у Шурки неподдельный, это точно, да и рысёнок в пестере. Что-то произошло значит.

– Дак что ж ты другую-то не подстрелил?

– Ишь смелой какой. «Не подстрелил-ил»... – Шурка до обидности похоже умел передразнивать Колюху. – Сам-то стал бы пулять мелкой дробью, когда она – как телёнок, а когтяры – во! – для убедительности Шурка граблисто скрючил толстые пальцы. – Стрелил, конечно, да только в воздух.

– А рысь чего? – не без сомнения поинтересовался Колюха.

– Пугнулась, в лес ускочила, зараза.

Михаил представил, как потом шёл по лесу Шурка, как боялся, что из-за любого куста на спину может прыгнуть рысь, и испытал к нему невольное сочувствие.

Когда попили чаю и сидели, откинувшись на койках, Колюха вдруг спросил у съѐженного, притихшего Шурки:

– А друга-то, случаем, не мамаша того, что в снях лежит?

– Кака друга?

– Дак котора прыгнуть-то, говоришь, хотела.

– Не-е, она в другом месте встренулась, километра полтора... – голос у Шурки дрогнул.

– Ну и што полтора... Обошла да подкараулила, только бы мельнул, Шурка... С ейными-то зубьями...

– Типун тебе на язык да второй под язык. Ты што, она ведь не отвяжется теперь.

– А я про што... – поддержал его, вместо того чтобы успокоить, Мишка Колюха. – За котёнка и подкараулить может. Рыси, они злопамятны, читал я...

– «Чита-а-л»... – особенно едко передразнил его Шурка. – Ты книжку-то хоть раз видел?

Ночь была лунной. Шурка долго слушал тяжёлый, давно уже привычный, но сегодня изнуряющий храп напарника и не спал: ему надо было сходить на улицу. Но снаружи была ночь, там где-то ходила и искала убитого рысёнка мать, хищная, огромная, полная желанием отомстить... Зачем он убил его? Блажь какая, дёрнул же чёрт. Сейчас бы спал давно. Смешно, за дверь теперь не выйти... По окошкам и стенам гулял немного подтихий «полуночник», посвистывал в щелях, шуршал выбитым из пазов мхом, будто кто-то тихонько скрёбся и стонал. Жуть.

– Миша, стань, а, на улицу мне надо... – Шурка ещё растолкал Колюху, тот наконец поднялся, чертыхаясь и бранясь.

Вместе с ним Шурка вышел на улицу, спустился на берег и устроился в брёвнах, Михаил остался на крыльце. Было слышно, как он переминался там и постукивал со сна зубами. Скоро озябнув, крякнул и стукнул дверь, ушёл в избу. Шурка остался один.

Над ним выгнулся густо пересыпанный звёздными искрами чёрный августовский небосвод. С юго-востока к нему приклеилась обдутая ночным свежим ветром, чётко вырезанная двурога яркая луна. Ущербная, она давала меньше, чем обычно, света, лунная дорожка на море из-за шторма кривлялась и дробилась. Но когда на небе луна, всё веселее, и Шурке сделалось не так страшно. Он уже собирался уходить, когда на бревно метрах в десяти от него выползла тень. Её очертания исковеркала разбитая лунная дорожка, она как раз оказалась фоном, но Шурка на этот раз распознал бы её и в полной темноте.

Рысь! Ноги понесли сами, одеться он не успел. Так и вбежал в избу. Колюха насмерть перепугался и, услышав слово «рысь», вскочил с койки, Шуркиного вида будто и не заметил.

Рысь дала о себе знать почти сразу, заскреблась в дверь. Колюха прибавил в керосинке фитиль и от возбуждения задышал глубоко и часто, Шурка трясущимися руками разломил ружьё, вставил в него патрон с пулей, припасённый ещё днем. Затаились. Рысь мягко топталась на крыльце и царапала дверные доски.

Михаил и Шурка не поверили ушам и переглянулись, когда с крыльца донеслось мяуканье, отчётливое и настойчивое.

– Р-разве они, это, как и к-коты? – от нервного перенапряжения Колюха опять стал заикаться.

– Не-не знай, – не получилось «ю» у Шурки.

Помолчали, мяуканье стало совсем жалостливым и даже канючим. «Мяа-аи, ма-а-аи...» – вытягивал зверь на крыльце.

– На нашего Левонтия походит вроде... – неуверенно предположил Колюха.

Знаменитый своими размерами сибирский кот Левонтий, принадлежащий Колюхиной тетке Федоре, и впрямь имел привычку разгуливать по

тоням и выклянчивать у рыбаков свежую рыбу. Наведывался в прошлом году и на Песчанку.

Потом, когда распознанный и впущенный в избу Левонтий хрумчал в углу рыбными костями, когда нервное напряжение спало, Михаил начал кататься по койке и хохотать над происшедшим, над Шуркиным видом, с которым тот влетел в избу. Шурка смеялся тоже.

С утра «полуночник» слёг, уступил море «западу», тот вылизал и утихомирил воду, погнал от берега мелкую рябь. Рыбаки заметали сѐмужий невод. С дальней тони в деревню шла дорка, и Шурка бросил в неё мешок с рысёнком. Попросил передать отцу, может, чего-нибудь сообразит со шкурой. Поначалу он хотел закопать рысёнка в песок, но Михаил отговорил: рысь, говорит, повадится, будет раскапывать. А так увезли, и концы, стало быть, в воду.

Ночь, звѣздная, высокая и ветреная, обдала прохладой ранней осени, выветрила острый страх, который родила встреча с человеком. Страх уступил место страсти, неуёмному стремлению к встрече с сыном. Рысь всю ночь провела в логове, где стоял густой, живой запах Рысёнка, запах их семьи. От нелепости и вероломства всего того, что произошло накануне, она не могла заснуть, только дрожала и в полузабытьи бесцельно бродила вокруг пустого логова.

Утром Рысь пошла искать своего сына. Она верила, что сможет освободить его из плена человека.

Запах двуногого и запах Рысёнка за ночь выветрился и уже не стоял в воздухе такой терпкой стеной, как это было вчера, но у самой земли, в переплетении листьев, травы и кореньев, он остался таким же сильным и бил по обонянию острой настоятельностью, ужасным осознанием того, что два они – родной запах сына и враждебный человека – оказались столь близко друг от друга, смешались. Потом запах Рысёнка исчез, остался дух человеческих следов, торопливых, широких, ясно видимых на забрызганной росой тропинке. Дух этот отталкивал и пугал, Рысь старалась бежать не прямо по следам, а вдоль них, боясь только пропустить следы Рысёнка, он мог вырваться, ускользнуть от человека и прыгнуть куда-нибудь за кусты.

Следы вывели к морскому берегу. Лес вдруг распахнулся, и Рысь невольно отпрянула назад, втянулась в можжевельовый куст, притаилась. Неподалёку, у самого моря, стояла изба. Оттуда пахло людьми, жжёной смолой, рыбой и нерпичьими запахами. Эти запахи были здесь самыми сильными, они висели над землей плотно, и даже ветер, дующий из леса в море, не мог их отогнать. Людей не было, их шаги и голоса не доносились из избышки. Вскоре Рысь всё же разглядела их, они плавали в лодке неподалёку от берега и были чем-то заняты. Это прибавило Рыси решительности. Обойти дом, чтобы попасть на подветренную его сторону и выяснить, там ли Рысёнок, она не могла: ей пришлось бы выйти на открытый берег, просматриваемый с лодки, поэтому она осторожно выбралась из куста и подползла ближе к избе.

На неё дохнул запах сына, отчётливый и долгожданный. Её Рысёнок был там, в избе!

Забыв об опасности, забыв обо всём, движимая только неуёмной жаждой встречи с сыном, Рысь бросилась к избе. Запах Рысёнка струился из щелей входной двери. Она ударила её телом, но дверь, упругая и скользкая, только заскрипела. Рысь призывно, с пристонами, урча, стала царапать и бить дверь лапами, но та не поддавалась. Сознание Рыси

мутил и снова кидал её на преграду запах Рысёнка, такой родной и такой сильный... Дверь не поддавалась.

Распалённая прыжками Рысь вдруг резко остановилась, когда за дверью ей почудился шорох и... мяуканье. Она замерла. Мяуканье, жалобное, изнывающее от ужаса, ударило в уши. Это мяукал не её сын! Он плакал не так. Но кто же это там за дверью рядом с Рысёнком?

Рысь вдруг с отвращением узнала, чей это был голос. Там, в избе, прятался кот, который дружит и живёт с двуногим. Что он сделал с её сыном? Рысь бросилась опять на дверь.

Но со стороны берега раздались звуки, которые заставили её опомниться и отступить. К избе подплывала лодка, в ней сидели двое людей. Когда они вышли на берег, Рысь огромными махами добежала до первых кустов, легла за одним из них и оттуда стала следить за людьми. Теперь она знала точно, где находится Рысёнок.

– Шурка! Не стыднова ему, а? Тёту так встречать!

Шурка и в самом деле не слышал из-за навалившейся дремы, как подкатила к тоне лёгкая дорочка. Михаил его не разбудил, ушёл, видать, в лес за кольями, и вот! Пересуду теперь будет... «Родну тёту сын-то твой не стретил, Матвейч, икотник...» Ну и так далее... Да и действительно, время-то, ёлки-палки!

Он вскочил с койки, продраил глаза кулаками, а тётка, родная сестра его отца, уж к избе подходит. Как подкралась. Шурка скакнул на крыльцо, изобразил на сонном лице какую мог радостную улыбку, притворно-дружелюбно забормотал:

– Зра-а, тёта, здра-аст!

У самого крыльца Оксенья Матвеевна, хоть и не больно-то нагружённая – две корзины на локтях, считай, пустые: в одной ручка-ухватка для сбора брусники, в другой – белый узелок с хлебом, заступала тяжело, запереваливалась, будто только-только выкарабкалась из бесконечных канабристых болот. Устала, мол, сил нет, а племянник-то и не поможет. И Шурка, поддержав эту нехитрую игру, ещё больше заторопился, шаркнул сапожищем, стал спускаться к тётушке.

Он сделал шага два, не больше, как в дыре под нижним венцом что-то шумно зашабарчало, заколотилось, и когда он и Оксенья Матвеевна взглядели разом на дыру, оттуда выметнулась и пронеслась между ними огромная рыже-белая молния. Шурка и тётушка произвольно глянули ей вслед и увидели, как на некотором расстоянии молния оформилась в скачущего от них зверя, то ли в собаку, то ли в кого-то ещё. Зверь скоро нырнул в кусты и исчез.

Оксенья Матвеевна оторопела. Лицо её вытянулось, на нём застыло выражение крайней растерянности, испуга и... возмущения. Ничего себе, встречает племян!

– Это хто? – спросила она Шурку. Поставила корзины на настил и тяжело села на крылечную ступень.

– Не знай, тёта... – Шурка тоже растерялся.

– Вроде как не собака. Но кто же тогда?

Догадка стрельнула в глазах красной вспышкой. Да рысь же это! Та самая...

И всё. По телу свинцовой холодной лавой опять растёкся страх, налил тяжесть руки и ноги, придавил к земле. «Пришла всё-таки мамаша того... Думал, пронесёт... Пришла...»

Когда вялый и отрешённый Шурка проводил тетку Оксенью в избу и стал затоплять печку, чтобы подогреть чайник, родственница разглядела резкую перемену в настроении племянника. Она долго наблюдала, как Шурка дрожащими руками ломал спички, бестолково перекладывал дрова.

– Ты, Саша, буди не в себе... – сказала Оксенья.

Шурка ничего не ответил, только вдавил голову в плечи, съёжился, ещё рьянее зачиркал спичками. Дрова, наконец, разгорелись.

– Дак чего молчишь-то? – допытывалась тетка.

Оторвавшись от печки, Шурка тяжело плюхнулся на лавку напротив Оксеньи, брякнул локти на стол, вытянул шею и, вытаращив глаза, прошептал:

– Это она меня караулила...

Тётка ничего не поняла, но всё же испугалась, отшатнулась и замахала рукой:

– Типун те, ты что, Саша, окстись...

И Шурка ей рассказал всё. И про рысёнка, и про то, как на него хотела уже с дерева прыгнуть рысь. В конце рассказа Оксенья сидела уже как на иголках.

– А я думала, каку-таку зверюгу Матвеич наемни за баней закопал? Тебя, Саша, матюкал. Послал, грит, а без надобности, шкура, грит, лезет, спасу нет.

Едва хлебнув чаю, тётка вдруг засобиравалась обратно в деревню.

– Да куда же ты, тёта? За ягодами же приехала.

– Каки-таки ягоды, Саша. Не-е! Рысюку ты тутогде завёл... Прыгнет ишше с лесины. Зла она чичас...

И укатила на своей дорочке.

Когда скидывала пожитки в лодку и ковыряла мотор, всё сетовала, что «брусничка тутогде самолучша, да уж ладно, пособираю в других местах. Рысь – зверь страшной, да ешшо мать рассерженна... Не-е-е...»

И укатила.

Через два дня Колюха растолкал Шурку посреди ночи. Вскинувшись на локоть, Шурка спросонок долго не мог понять, что произошло и чего Михаил от него хочет. А случилось, видать, что-то необычное. Худое лицо Колюхи с включенными волосьями, бледное, как белая тряпка, тускло отсвечивало в темноте. Колюха стоял перед Шуркиной кроватью на коленях. Маленькие, посаженные близко к длинному тонкому носу глаза его были распахнуты и лучили крайнюю тревогу.

– Ты это... чего, Ми-миша? – прерывисто и хрипло зашептал перепуганный Шурка.

– Хотел на улицу выйти, а тут Левонтий завыл, ну я в окошко глянул...

Сердце у Шурки вдруг сильно стукнулось раз, другой, потом замолотило на полные обороты, отдаваясь в висках гулками, горячими ударами. Он спросил:

– Ну и чего там... в окне?

– Да эта, ну твоя зверюга, ходит.

– Мамка? – Шурка непонятно зачем скользнул с койки и сел на корточки рядом с Колюхой.

Вдвоём на четвереньках они подкрались к окошку и осторожно, словно опасаясь, что рысь может царапнуть в лицо, выглянули из-за боковых косяков на улицу.

Снаружи разливался тихий, жёлтый лунный свет, жуткий и мёртвый.

– Вон она, на помойке... – зашептал Колюха.

Рысь Шурка разглядел не сразу потому, что она не шевелилась и сливалась с можжевельовыми кустами, тоже неестественно жёлтыми, как всё под луной. Зверь стоял на прямых, длинных ногах, вытянутый и увеличенный полумраком, высоко задрал морду, как бы кого-то выискивающий в ночи. Потом голова рыси повернулась к избе, и на ней зажглись два маленьких ярко-зелёных фонарика, направленных прямо на Шурку и Колюху. Оба они, будто застигнутые врасплох светом рысьих фонариков, выслеженные, разом отшатнулись от окошка, сели на пол.

– Это она меня ждет, зараза... – сказал Шурка тоном человека, которому перед казнью дали последнее слово.

– А может, меня, почем знать?

– Да не, меня. Счёт свести хочет.

Колюха вдруг встрепенулся и, не вставая с карачек, пополз к углу, в котором стояло ружьё. Быстро с ним вернулся и протянул Шурке.

– Саня, ожедерни, а, не робей, вмажь. Не отстанет ведь. Мне не по-пасть...

Шурка заблестел на напарника возмущёнными и испуганными глазами.

– С этой пукалкой! Что, не видишь котяру! А подраню... она избу по брёвнышку разнесёт, обоим пуза вскроет. Пулемёт тут нужен.

До утра рыбаки не спали. Постановывали и скрипели кроватями. У двери жалостно и тоскливо выл Левонтий.

Утром в невод попали три 10–12-килограммовые рыбины. Опять пошла сёмга.

На другой день к обеду пропал Левонтий. Отсутствие его сразу заметили, потому что кот мог где-то пропадать, но в полдень, когда чистилась и скоблилась свежая рыба, и с треском разлеталась в разные стороны серебряная чешуя, и в изобилии были ароматные рыбины потроха и головы, когда избу наполняли запахи кипящей ухи, Левонтий, хоть и сытый, всегда крутился где-то поблизости, тёрся о ноги, демонстрируя полное расположение к рыбакам, ныл и клянчил еду.

Сегодня он куда-то запропал. Когда наелись ухи, Михаил сгрёб кости в пустую миску, вынес на крыльцо и вывалил в корытце, выдолбленное из куска толстой доски специально для Левонтия. Позвал кота, даже покричал, но впустую.

Пока пили чай, все удивлялись, что такое с котом. Рыбу он никогда не пропускал. И Михаил, и Шурка вида друг другу не подавали, но у обоих на душе висело нехорошее предчувствие, что с Левонтием что-то случилось. После обеда Михаил не прилёг, как обычно, а вдруг засобирился, взял топор и пошёл на берег, мол, захотел глянуть, не выбросило ли на заплёсток пару-тройку строевых лесин, мол, баню надумал тюкать... Шурка знал, что Колюха пошёл искать Левонтия. Он пошёл бы и сам, но не хотел лишний раз бередить напарника. И так тот уже поговаривать стал, что рысь одолела, что за порог озарко выйти теперь...

Михаил нашёл кота около вешал, на старом деревянном настиле, просшем теперь травой, пробитом кореньями. Под настилом были мышьи гнезда, и Левонтий туда повадился бродить. Колюха это ещё раньше заметил.

Левонтий лежал на спине с вытянутыми лапами в лужице крови. Пасть у него была оскалена, он был весь изодран. Вокруг на песке отпечатались большие звериные следы.

Колюха собрался съезжать с тони. Он демонстративно громко бухал сапожищами, бегал из угла в угол, складывал пожитки в пестерь, нервничал. Шурка нервничал тоже. Ему не хотелось оставаться на тоне одному. Но чтобы не унижаться, виду не подавал, сидел на лавке у печки и вырезал из берёзы плашки для ножен. Михаила он не уговаривал, знал, что бесполезно, и всё же, когда тот забренчал посудой и присел глотнуть на дорогу чайку, Шурка попробовал:

– Может, надумаешь остаться-то, Миша?

Колюха аж закашлялся:

– Шутишь, а! Сегодня вон опять следы. Вкруг дома всю ночь шлялась! Хотел мамане вересу нарубить на помела, к кусту подошёл, а там лёжка.

– Нужон ты ей порато.

– Нужон не нужон, а караулит она нас. В лес не отойти... Затряхнет, как Лехоу! Когти, как крючья ш-щу-чьи... Затряхнёт. Из-за тебя всё, паразита, навёл беду...

Колюха чай пил вприкуску. Окунал в остывшую кружку куски сахара, подолгу промокал их там, потом хрумкал и злился.

– Поживи, ладно, поживи тута один. Скоро она тебе на шкирку-то с лесины али откуда скочит, ско-оро! Вытрясет опилки-то с башки, вытрясет!

Шурка попытался козырнуть ещё кое-чем:

– Заработки-то, Миша, пошли каки, в каку осень видали? Сёмга, смотри, прёт, как прорвало, спасу нету...

Колюха это и сам понимал, но аргумент не подействовал.

– А нужны они мне больно будут, ежели я с прокушенным брюхом на бережку буду стыть. Не-е!

И Михаил допил чай. Сейчас уйдёт... Шурка высказал главное, наиболее:

– Дак что, я ей сдаваться должен, зверюге этой!

Колюха пристукнул об стол пустой кружкой, нервно хохотнул и посмотрел на Шурку как на человека, у которого явно не все дома и которого ему жаль.

– Борец! Сражаться с ей задумал! Погляди... ха!.. Да она с тобой легче, чем с Левонтием. Это ж матерь! Ты же сынка у ей сгубил, балбесина, почто-то! Борец...

Уже встав и набросив на спину пестерь, Колюха, чтобы расстаться хоть более-менее мирно, добавил напоследок:

– Я вот про тебя, борца, Матвейчу расскажу, он тебе задаст.

И ушёл. И Шурка остался один.

Темень непроглядная. Низкие чёрные тучи закрыли небо. Они несутся почти над самой крышей, их царапают ёлки, что растут на угорах, подступающих к морю. С северо-запада задувает сырой и холодный «побережник». Облизывая холмы, он падает в пологое ущелье – ручьевину, разгоняется по нему и набрасывается на избу, прижавшуюся к открытому морскому берегу.

Шурка стоит на крыльце, держится за расшатанные, подпорченные временем дощатые перила и смотрит на тёмный шумный лес. Ворот фланелевой клетчатой рубашки у него расстёгнут, по лицу ударяют мелкие злые дождевые капли, редкие волосы слиплись и мотаются на ветру тонкими кисточками. Но Шурке не холодно сейчас и не страшно: вечером он хлебнул из бутылки, оставшейся ещё от Колюхи. Шурка, конечно, знает, что страх снова вернётся. И он опять не будет спать ночами, будет

вздрагивать от каждого шороха за стенами, а утром, прежде чем выйти на улицу, долго выглядывать в окна и, приоткрыв входную дверь, сначала просовывать в неё ружьё...

Сейчас страха нет, есть только выворачивающее душу отчаяние, и Шурка разговаривает с лесом. Он даже и не разговаривает, а будто бы приплакивает, как деревенские старухи на проводах покойника, подвывает тихо и обречённо в конце каждой фразы. Ветряная рвань разбрасывает его слова, и они улетают к морю не услышанные лесом, растрёпанные.

— Ну отстань ты от меня, а-а... Слышь, ты, а... Хри-ста-та ради, мамка-а... Не хотел я его... Подвернулся он... Вот беда-то, а... Послушь, ты, а-а... Жениться ведь мне надо сей год. Невеста и всё это есть уж. Не злосья ты на меня, мамка-а... Рыба-та прёт, спасу ведь нету-у. Деньги-то нужны... али нет... Понимать должна-а... Ну не хотел я. Прости ты, Христа ради, мамка-а...

Рванина-ветер уносит слова в море, и лес ничего не слышит. Шурка вернулся от Лизы под вечер. Чтобы не топтать по берегу и не шарахаться от каждого куста, он сходил к ней на карбасе с подвесным мотором и сдал рыбу. Обратного на тоню возвращаться смертельно не хотелось, одни только наплывающие обрывки воспоминаний о ночных кошмарах рождали бегающих по коже шершавых мурашек. Лизавете Шурка всегда хоть и отдалённо, но нравился. Ершистостью, мужской удалью, что ли. Сегодня он был до необычайности пришибленным, вялым, поплёкшим и скоро наскучил. Так и сказала ему, что не до него ей, и хоть и не очень-то надо было, пошла собирать бересту. Шурка посидел-посидел около склада, подышал переменной обстановки, и взяв себя в руки, решил: пора! Запотягивал взводенёк, а в море стояла снасть. Надо было возвращаться.

У своей тони поставил дорку на рейд и только вышел на берег, как увидел её следы. Они подходили к воде как раз в том месте, где он садился в карбас, когда повёз к Лизке рыбу, словно рысь искала его здесь. Шурка остановился, будто споткнулся об эти следы, идти к избе не хватало духу. Но не жить же в карбасе, и Шурка медленно, озираясь и оглядываясь, сгорбившись, пошёл к тоне. Ружьё со взведёнными курками держал, как будто подкрадывался к зверю, спрятавшемуся за избой.

Рысью следа около крыльца не было, не вёл он и в дыру под пол. Входная дверь была приоткрыта. Прежде чем войти в неё, Шурка постоял и повспоминал: да нет, вроде закрывал. Может, ветер...

В сенях ему на плечи упал кто-то тяжёлый, сбил с ног. Шурка дико закричал и, падая, инстинктивно нажал на оба курка. Мгновения слились в грохоте выстрела и в боли от удара затылком об дверной косяк. Шурка упал...

Придя в себя, он зашёл в избу, сел на койку, потом лёг на неё со стоном. Уснул только под утро, забылся в коротком и тревожном сне.

Утром Шурка выбрал невод. Сложил на дно карбаса мокрую снасть, расшатал и выдернул из воды кольца, поклатил их аккуратно на банку. Он выбрал невод насовсем. Подъехав к берегу и зайдя в избу, чай кипятить не стал, есть не хотелось. Плеснул в кружку вчерашний холодный кипяток и выпил пустую воду с куском чёрного хлеба. Перетаскал в карбас небогатый скарб: бензин, продукты, постель... оттолкнул лодку от берега, чтобы не «обсыхала»: шёл отлив...

Перед тем как завести мотор, он долго сидел, курил, внимательно и задумчиво вглядываясь в кусты и лес, будто хотел напоследок увидеть

зверя, который заставил его покинуть эти места. Потом поднялся, снял зачем-то кепку и сказал:

– Ты это, не помни худо. Понял я всё... Успокойсь...

И завёл мотор.

Исхудавшая, выбившаяся из сил Рысь ушла, когда в памяти стёрся запах её сына, Рысёнка, отнятого у неё человеком. Она вернулась в дикие, глухие и свободные таёжные крепи, где испокон веков господин лишь толстый звонкий ельник. Опять в ясные, короткие ночи горели на укромных, не видимых никому охотничьих тропах кошачьи её глаза. Опять раздавались и терялись в паутине серебряной от мороза хвои последние крики попавших ей в когти зайцев, куниц и глухарей.

А над дремотно-молчаливым, старым лесом из тёмной, фантастически бездонной глубины мигали и глядели на мир вечные, жёлто-зелёные звёздочки, удивительно похожие на глаза Рыси, вышедшей на охотничью тропу.